

ГАРАНТИИ НЕЗАВИСИМОСТИ ИЛИ КОРПОРАТИВНЫЕ ПРИВИЛЕГИИ?

А. В. Победкин

Московский университет МВД России

Поступила в редакцию 25 декабря 2013 г.

Аннотация: рассматриваются отдельные гарантии независимости судей с точки зрения их разумности. С этих позиций анализируются нормативные положения, а также решения ряда Всероссийских съездов судей. Делается вывод о гипертрофированности отдельных гарантий, способствующей проникновению в судейский корпус неквалифицированных юристов и аморальных личностей. Приоритетной гарантией независимости судей предложено считать нравственное воспитание.

Ключевые слова: гарантии, независимость судей, гарантии независимости.

Abstract: the article is dedicated to some guarantees of judicial independence. Author analyzes regulations and solutions of Nation-wide Congress of judges. Author wakes a conclusion about redundancy of some guarantees, which contribute to the penetration in individuals judiciary unskilled lawyers and immoral individuals. Priority guarantee for independence of judges suggested to consider the moral education.

Key words: guarantees, independence of judges, guarantees of independence.

На 12-м году действия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) независимость судей провозглашена в качестве принципа уголовного судопроизводства. Решение законодателя небесспорно прежде всего потому, что принципом уголовного процесса должна считаться идея, которая пронизывает все стадии уголовного судопроизводства и на каждой из них является основополагающей, руководящей. Независимость судей является таковой только применительно к судебным стадиям уголовного процесса. На досудебных стадиях роль судебной власти, несмотря на достаточно широко развитый судебный контроль, нельзя считать определяющей. Для данных этапов процесса более актуальным является вопрос о статусе должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу – следователя, дознавателя и др.

В. Т. Томин считает правильным к числу принципов уголовного судопроизводства относить принцип «процессуальной независимости должностных лиц – участников уголовного процесса», состоящий в том, что «участники, ведущие уголовный процесс, процессуально независимы, за теми исключениями, которые необходимы для эффективного достижения цели уголовного процесса, обеспечения процессуальной независимости других УУП (участников уголовного судопроизводства. – А. П.) и обеспечения законных интересов лиц, которым преступлением причинен ущерб, а также лиц, вовлеченных в уголовный процесс в качестве подо-

зреваемого и обвиняемого или в ином качестве»¹. При этом В. Т. Томин подчеркивает независимость, в том числе и следователя, от прямого и непосредственного начальства (руководства). Даже в самой формулировке, предложенной им, много исключений. В уголовно-процессуальном законодательстве они стали правилом.

Поскольку регламентация уголовного судопроизводства исключительно уголовно-процессуальным законодательством предполагает взаимодействие его участников только в рамках процессуальных отношений, вмешательство в деятельность субъектов, осуществляющих уголовное судопроизводство, лиц, не являющихся участниками уголовно-процессуальных отношений, представляет собой прямое нарушение закона, предотвращение и пресечение которого не требует формулирования самостоятельного принципа уголовного судопроизводства.

В то же время формулировка принципа независимости судей в ст. 8¹ УПК РФ направлена на обеспечение независимости судей именно от незаконного внешнего, непроцессуального воздействия. Такой подход не в полной мере охватывает предлагаемые законодателем гарантии независимости судей (ст. 9 Закона от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»), ряд из которых направлены на обеспечение судейской независимости во взаимоотношениях судей именно с руководителями судебных органов. Только неприкосновенность судьи и предоставление судье за счет государства материального и социального обеспечения, соответствующего его высокому статусу, имеют целью обеспечение независимости судей от воздействия извне.

Содержание именно этих гарантий и вызывает наибольшие сомнения и дискуссии, порожденные опасностью превращения средств, обеспечивающих правосудные решения в «корпоративную привилегию», основной мотив и стимул стремления к должности судьи.

Как ни парадоксально это может показаться на первый взгляд, но одной из причин, препятствующей формированию судейского корпуса достойными кадрами, соответствующими по деловым и моральным качествам требованиям, предъявляемым к судьям, является явное превышение разумных пределов обеспечения судейской независимости. В результате на эти должности резко возрос конкурс, оборотной стороной которого при общем безнравственном состоянии общества, становятся обострение коррупционных проявлений, факторов nepотизма (кумовства) при формировании судейского корпуса. Судейская корпорация становится «элитной», закрытой.

Искусственно сформированная «элитность» судейской профессии неизбежно влечет появление замкнутой корпорации, доступ в которую представителям иных профессиональных групп, априори предполагаемых значительно менее квалифицированными, практически невозможен.

¹ *Томин В. Т.* Насущные проблемы современной отечественной уголовной юстиции : лекция-монография // Уголовный процесс. Проблемные лекции / под ред. В. Т. Томина, И. А. Зинченко. М., 2013. С. 221.

До недавнего времени широко распространенной являлась практика наделения полномочиями судьи секретарей судебных заседаний, которые в подавляющем большинстве случаев заканчивали юридические вузы заочно.

Видные отечественные юристы обращали внимание на порочность такой практики. Так, еще в 2004 г. на это обращал внимание В. Д. Зорькин². Проблема актуальна и сегодня. М. Ю. Барщевский замечает по этому поводу: «Нам давно пора отказаться от порочной практики назначения на судебские должности секретарей судов и недавних выпускников юридических вузов. Кадровые требования к судьям в большинстве развитых стран намного выше. Там нельзя стать судьей, не проработав несколько лет адвокатом и прокурором»³. Это здравая мысль. Однако с ней не согласуются нормативные новеллы, которые ограничивают возможности прокурора, следователя в наделении полномочиями судьи. Так, обновление судебской корпорации следователями и прокурорами затруднено запретом засчитывать в стаж работы судьей, дающий право на отставку и получение всех видов выплат и льгот, период работы в должностях прокурора и следователя. Справедливости ради следует отметить, что такой порядок считают неприемлемым и сами судьи. Так, Верховным Судом РФ с учетом постановления Конституционного Суда РФ от 20 апреля 2010 г. № 9-П разработан законопроект, предусматривающий внесение изменений в ст. 7 Федерального закона «О дополнительных гарантиях социальной защиты судей и работников аппаратов судов Российской Федерации» в части определения порядка исчисления стажа работы в качестве судьи в соответствии с ранее действовавшей редакцией, т.е. с учетом времени работы в качестве прокурора, следователя, адвоката. Данный законопроект одобрен Советом судей Российской Федерации и VIII Всероссийским съездом судей, состоявшимся в декабре 2012 г.

Представляется, попытки сформировать действенную правоохранительную систему, уважающую человека, надежно защищающую его права и свободы, оставаясь при этом в рамках права, за счет укрепления лишь одной ее ветви – судебной, исчерпали себя. Следователи, дознаватели, прокуроры, сначала являются участниками уголовного судопроизводства, а затем уже представителями того или иного государственного органа. Действия указанных субъектов так же судьбоносны для человека, находящегося в орбите уголовного процесса, как и решения, принимаемые судьей. Поэтому гарантии процессуальной независимости, компетентности должны в равной мере обеспечиваться для всех должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство. Не вызывает сомнений, что никакой грамотный, независимый судья не обеспечит истинное, справедливое решение, если уголовное дело расследовалось неквалифицированным, не защищенным от внешнего воздействия, аморальным должностным лицом.

² См.: Зорькин В. Белые одежды для черной мантии // Рос. газ. 2004. 10 дек.

³ Неподсудная корпорация // Рос. газ. 2011. 10 февр.

Нельзя не признать, что в настоящее время эта проблема осознана властью. Принимаются меры к выравниванию материального обеспечения должностных лиц, осуществляющих досудебное производство, и судей, повышаются требования к их квалификации следователей, дознавателей. Судейское сообщество начинает обращать внимание на необходимость нравственного совершенствования своих представителей, а не только на повышение уровня материального благосостояния и гарантий неприкосновенности.

В этом смысле показательны решения, принятые VII (2008 г.) и VIII (2012 г.) Всероссийскими съездами судей (далее – Съезд судей, Съезд).

Задача обеспечения высоких нравственных качеств представителей судейского сообщества, поставленная VII Съездом, вошла в резкое противоречие с организационными, социальными, финансово-хозяйственными, процессуальными мерами, принимаемыми в отношении судебной власти как самой судейской корпорацией, так и по ее предложению законодателем.

Так, на VII Съезде в качестве одной из основных мер антикоррупционной направленности предлагалось *существенное* повышение заработной платы судей и установление системы ее дальнейшего поддержания на высоком уровне, гарантирующем достойное материальное обеспечение (особенно в условиях снижения на тот период покупательной способности рубля). При этом, с точки зрения участников Съезда, особый статус судьи должен гарантировать такую систему и такой уровень оплаты труда судей, которые соответствовали бы их высокому статусу и ответственности и *исключали бы саму возможность сомневаться в неподкупности судьи*.

Несомненно, что достаточный уровень материального и социального обеспечения судей – важная гарантия их независимости. Однако перешагнув за определенный предел, дальнейшее укрепление материального положения с точки зрения антикоррупционной меры становится неэффективным.

Кроме того, возрастающее финансирование судов за определенным пределом становится, как отмечает И. Л. Петрухин, некой формой «подкупа» судебной власти властью исполнительной⁴. В связи с этим Н. А. Колоколов предлагает не забывать «золотое правило»: «если зарплата очень велика, то люди будут работать только за зарплату, стало быть, станут выполнять любые указания тех, кто эту зарплату платит»⁵.

Очевидно, что уровень оплаты труда судей, какой бы высокий он ни был, не может исключать *возможность сомневаться в неподкупности судьи*. Возможность сомневаться в неподкупности может быть исключена только целым комплексом факторов, в числе которых первичны – нравст-

⁴ См. об этом: *Петрухин И. Л.* Оправдательный приговор и право на реабилитацию. М., 2009. С. 71.

⁵ О законопроекте Российской Федерации в части совершенствования системы оплаты труда судей. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

венные. Кроме того, неясно, какой именно уровень оплаты труда может исключить *возможность* сомневаться в неподкупности.

VII Съезд судей России по масштабу и характеру требований материального и социального характера оказался, судя по всему, беспрецедентным. Нравственные требования к судьям на Съезде такими масштабами не отличались.

Проблемы с качественным и справедливым правосудием невозможно объяснить лишь недостатками в материальном и социальном обеспечении судей. Д. В. Зотов называет попытки судейского сообщества на самом высоком уровне завуалировать проблемы судебной системы не иначе как «казусом». Действительно, не хочется верить, что позиция VI Всероссийского съезда судей «О состоянии правосудия в Российской Федерации и перспективах его совершенствования» от 2 декабря 2004 г., из которой следует, что высший орган судейского сообщества обеспокоен не коррупцией в органах судебной власти, а продолжающимися разговорами об этом, которые иногда носят предположительный характер и наносят вред как судебной системе в целом, так и авторитету судей, представляет собой не «казус», а напоминает попытку завуалировать проблему. Тем более что о коррупции в судебной системе открыто заявлено на самом высоком уровне⁶.

Важный шаг в возрождении нравственного потенциала судебной системы – принятие VIII Съездом судей России Кодекса судейской этики (далее – Кодекс) (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 г.). Нельзя сказать, что в данном документе закреплены принципиально новые, не известные судьям требования (за исключением, разве что некоторых правил общения с представителями СМИ), однако сам факт обсуждения и принятия этого документа – свидетельство понимания глубины нравственных проблем судейского сообщества.

Резолюцией указанного Съезда органам судейского сообщества Российской Федерации, судьям, работникам аппаратов судов предписано своим ответственным исполнением обязанностей по защите прав и законных интересов граждан и юридических лиц и высоконравственным поведением укреплять авторитет судебной власти.

К сожалению, обозначение нравственных ценностей в работе судьи диссонирует с иными принятыми Съездом решениями. Из 34 резолютивных пунктов постановления Съезда (от 19 декабря 2012 г.) минимум 20 включают в себя меры, направленные на укрепление материального, социального, пенсионного положения судей, членов их семей и работников аппарата судов. Учитывая название постановления: «О состоянии судебной системы Российской Федерации и основных направлениях ее развития», может создаться ложное впечатление о том, что такое укрепление и есть основное направление развития судебной системы.

Практически дословно в постановлении воспроизводятся положения решения предшествующего Съезда о необходимости обеспечить рост заработной платы судей и гарантии недопустимости ухудшения их материаль-

⁶ См. об этом: Зотов Д. В. Авторитет судебной власти // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2009. № 2 (7). С. 119–120.

ного положения. Независимость и беспристрастность судей по-прежнему связываются лишь с социальными гарантиями и материальными благами. Съезд судей констатирует, что за время, прошедшее после VII Съезда, на законодательном уровне не было принято достаточно действенных мер по укреплению статуса судей, усматривает отдельные тенденции к снижению материальных и социальных гарантий независимости судей.

Аргументы необходимости обеспечения высокого уровня оплаты труда судей, основанные на особой сложности работы судьи (предъявляемые к судье специальные требования, наличие целой системы запретов и ограничений, в том числе в отношении возможности заниматься иной оплачиваемой работой, высокая психологическая нагрузка, большое социальное давление, а в ряде случаев связанное и с опасностью для жизни и здоровья), применимы ко всем представителям силовых и правоохранительных структур, материальное и социальное обеспечение которых не в пример ниже судейского.

В стремлении снизить нагрузку на судей (которая, действительно, значительная) Съезд предлагает воспользоваться не раз испытанным, но порочным инструментом: разрешить организационные проблемы процессуальными средствами. При этом предлагаемые пути находятся на грани ограничения прав граждан на доступ к правосудию, рассмотрение дела компетентным и беспристрастным судом.

Так, предлагается расширить полномочия помощников судей за счет возможности выполнения по поручению судьи отдельных процессуальных действий, не требующих принятия судебных актов. Согласиться с этим, значит, поставить под сомнение как обоснованность требований, предъявляемых к кандидату на должность судьи, так и процедуры наделения судьи полномочиями.

Весьма опасна идея Съезда переосмыслить порядок определения размера государственной пошлины, подлежащей уплате при обращении в суды, поскольку таковая нередко носит символический характер, что, по мнению Съезда, не способствует тщательной подготовке сторон к судебному разбирательству, не препятствует подаче необоснованных исков и обращений, не стимулирует разрешение споров во внесудебном порядке. Остается добавить, что повышение размера государственной пошлины, очевидно, для некоторых категорий граждан станет препятствием подаче обоснованных исков. Нельзя допустить дифференциацию процедуры разрешения споров в зависимости от имущественного ценза: судебная – для имущих, несудебная – для иных лиц.

Конечно, не обошлось и без предложений пожертвовать процессуальной формой, а именно передать отдельные категории дел в компетенцию иных органов, расширить категории дел, подлежащих рассмотрению в особом порядке.

К сожалению, несколько последних десятилетий гарантии укрепления независимости судей связывались в основном с повышением уровня материального и социального обеспечения, а также формированием системы

неприкосновенности судей, прежде всего за счет создания неоправданно усложненного порядка привлечения судей к уголовной ответственности.

Возбуждение уголовных дел (привлечение в качестве обвиняемого), применение отдельных мер процессуального принуждения с согласия органов судейского сообщества (для судей Конституционного Суда РФ – с согласия данного суда) создает очевидный соблазн при принятии решения о даче согласия руководствоваться корпоративными интересами (п. 3–5 ч. 1 ст. 448 УПК РФ). При этом следует учитывать, что в уголовном судопроизводстве судьба уголовного дела и вовлеченного в орбиту уголовного процесса человека зависит от должностных лиц, осуществляющих досудебное производство (следователя, прокурора, дознавателя), не меньше чем от судьбы. В то же время гарантии неприкосновенности прокурора, следователя по сравнению с судейскими значительно слабее (п. 9, 10 ч. 1 ст. 448 УПК РФ), они не связаны с получением согласия профессионального сообщества, а для дознавателей (которые в ближайшей перспективе, вероятно, будут расследовать основную массу дел) и вовсе не предусмотрены.

«Интересной самой по себе» называет Л. А. Александрова ситуацию, когда при наличии законно возбужденного уголовного дела нельзя заключить под стражу или обыскать обвиняемого (подозреваемого) без согласия на то его коллег⁷. Даже судебного решения об избрании в отношении судьи меры пресечения в виде заключения под стражу, о производстве обыска недостаточно для того, чтобы заключить судью под стражу или произвести обыск. Для этого необходимо дополнительно получить согласие соответственно Конституционного Суда РФ или квалификационной коллегии судей (ч. 2, 4 ст. 450 УПК РФ)⁸. Такой процедурой законодатель формирует презумпцию незаконности (необоснованности) судебных решений, принимаемых на досудебном производстве, и недостаточности установленного общего порядка проверки их законности и обоснованности. Однако, если это так, общий порядок должен считаться недостаточным и для других лиц.

Более того, участие квалификационной коллегии судей в решении вопроса о продлении срока содержания судьи под стражей рассматривается Конституционным Судом РФ как недопустимое, поскольку представляет собой не что иное, как проверку его законности и обоснованности, вмешательство в независимую судебную деятельность⁹. Если это

⁷ См.: Александрова Л. А. Публичность как основание уголовно-процессуального права. М., 2007. С. 132.

⁸ Оставляем за рамками рассмотрения путаность указанных норм, из которых не вполне ясно: исполняется или принимается с согласия Конституционного Суда или квалификационной коллегии судей судебное решение о применении меры пресечения в виде заключения под стражу судьи. Лингвистические проблемы ч. 4 ст. 450 УПК РФ и вовсе не позволяют однозначно понять, дают ли Конституционный Суд и квалификационная коллегия судей согласие на производство обыска или принимают решение о его производстве.

⁹ См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Букрева Владимира Викторовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 109 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и ста-

так, то и исполнение решения суда об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении судьи не должно предполагать получения согласия квалификационной коллегии.

Отсюда неувидительны и статистические показатели. В ситуации, когда ни для кого не является секретом низкий уровень законности в уголовном судопроизводстве, нередко переходящий в ее прямое отрицание, факты привлечения судей к уголовной ответственности единичны.

Так, в период с января 2009 г. по сентябрь 2012 г. решениями Высшей квалификационной коллегии судей было дано согласие на возбуждение уголовных дел лишь в отношении восьми судей и одного бывшего присяжного заседателя; в трех случаях в даче такого согласия отказано. Решениями квалификационных коллегий судей субъектов РФ дано согласие на возбуждение уголовных дел в отношении 38 лиц, на привлечение в качестве обвиняемых – шести лиц, отказано в даче согласия на возбуждение уголовного дела или на привлечение в качестве обвиняемого по другому уголовному делу в отношении 23 лиц.

В среднем за год согласие на возбуждение уголовного дела (привлечение в качестве обвиняемого) квалификационные коллегии дают в отношении 15 судей, в отношении семи судей в год в согласии на совершение этих действий квалификационные коллегии судей отказывают¹⁰.

Как видно из приведенных статистических показателей число случаев отказа в даче согласия на возбуждение уголовного дела в отношении судей и дачи такого согласия сопоставимы. Если решения квалификационных коллегий считать обоснованными, следует вывод о незаконности попыток возбуждения уголовных дел в отношении судей почти в 30 % случаев. Отсюда невольно возникает вопрос: обоснованно ли возбуждаются уголовные дела в отношении прокуроров, следователей и дознавателей? Не следует ли гарантии, соразмерные судейским, предоставить и этой категории лиц, а также и всем иным гражданам России?

Особый порядок привлечения к уголовной ответственности отдельных категорий граждан, в том числе и судей, видимо, необходим, поскольку привлечение их к уголовной ответственности в условиях выраженного правового нигилизма может использоваться в качестве мести за профессиональную деятельность или как средство принудить к определенным действиям. Однако особенности уголовного судопроизводства должны заключаться не в усложнении процедуры (как в действующем уголовно-процессуальном законодательстве), а в предоставлении дополнительных гарантий законного привлечения к уголовной ответственности с учетом профессиональной деятельности субъекта. К числу таковых не могут быть отнесены ни возбуждение уголовного дела Председателем Следственного комитета Российской Федерации, ни согласие квалификационной коллегии судей на привлечение к уголовной ответственности, ни

тьи 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации»: определение Конституционного Суда РФ от 7 февраля 2008 г. № 157-О-О. Документ опубликован не был.

¹⁰ Использованы материалы VIII Всероссийского Съезда судей (декабрь 2012 г.).

большинство других особенностей уголовного судопроизводства, предусмотренных главой 52 УПК РФ. Такими гарантиями могли бы стать особенности предмета доказывания (в частности, выяснение, не обусловлено ли уголовное преследование мстью за добросовестное выполнение должностных обязанностей), обязательное участие защитника, увеличенные сроки проверки сообщения о преступлении, производство предварительного расследования только в форме предварительного следствия (сегодня в отношении отдельных категорий лиц допускается производство дознания следователями Следственного комитета Российской Федерации) и т.д. Устанавливая гарантии в отношении отдельных категорий граждан, нельзя забывать, что уголовное судопроизводство в качестве инструмента мести или давления в недобросовестных руках может быть использовано и в отношении иных граждан в связи с их профессиональной деятельностью (принципиальных преподавателей, сотрудников органов внутренних дел, в том числе и дорожно-патрульной службы и др.).

К сожалению, уголовно-процессуальные привилегии в отношении судей, которые должны носить публично-правовой характер, превратились фактически в их корпоративную привилегию и во многом доминируют в числе причин стремления занять должность судьи.

Пора преодолеть и расхожее мнение, согласно которому должность судьи – вершина юридической профессии, а судья – юрист самой высшей квалификации, достижение которой возможно через многолетнюю юридическую практику. Такой подход не учитывает склонности и способности человека. Вряд ли можно не согласиться с тем, что каждая юридическая профессия имеет свою специфику (организационную, физическую, психологическую и др.). Работать судьей – совсем иное, чем работать следователем. Не каждый квалифицированный судья сможет качественно выполнять обязанности следователя, дознавателя и даже прокурора (хотя эта профессия и ближе к судейской). Равно как и блестящий следователь (дознаватель) вполне может быть не способным к работе судьей. Задача государства – обеспечить такие условия профессиональной деятельности, должностного роста, уровень материального, социального, пенсионного обеспечения, независимости, уважения, которые позволяли бы совершенствоваться в выбранной профессии, к которой юрист действительно имеет способности, и не стимулировали бы стремление всех юристов стать судьей.

Не стимулирует судей к качественному и честному осуществлению правосудия легализованное особое отношение к ответственности судьи за допущенные при осуществлении правосудия нарушения.

Принято считать, что ошибки судьи при осуществлении правосудия обусловлены его внутренним убеждением, свободой судейского усмотрения, а поэтому не могут влечь за собой ответственности. В Законе о статусе судей это выражено в формулировке, не допускающей привлечение судьи к какой-либо ответственности за выраженное при осуществлении правосудия мнение и принятое судом решение (п. 2 ст. 16 Закона о статусе судей).

Конституционный Суд РФ сделал, на наш взгляд, не вполне удавшуюся попытку формализовать нарушения, допущенные судьей, в качестве основания дисциплинарной ответственности в виде досрочного прекращения полномочий¹¹.

Конституционный Суд подчеркнул, что недопустимо привлечение судьи к дисциплинарной ответственности за судебную ошибку, если судья действовал в рамках судейского усмотрения и не допустил грубого нарушения при применении норм материального или процессуального права.

Приведенная позиция Конституционного Суда в целом возражений не вызывает. Действительно, при оценке доказательств уполномоченный правоприменитель руководствуется совестью (ст. 17 УПК РФ) и правосознанием, несмотря на исключение данного понятия из текста закона. Развитость совести и правосознания у каждого судьи, очевидно, неодинакова и у судьи нижестоящего суда вполне могут иметь более высокий уровень, чем у судьи вышестоящего суда, оценивающего законность и обоснованность судебных решений в апелляционном, кассационном или надзорном порядке. Следовательно, решение, принятое вышестоящим судом, в отношении оцениваемого приговора (определения, постановления) может быть ошибочным. Привлекать судью к ответственности за отмену или изменение приговора вышестоящим судом, вызванные различной оценкой доказательств судьей вышестоящего и нижестоящего суда, неразумно и аморально.

Вместе с тем некоторые аргументы этого достаточно ясного обстоятельства, предложенные Конституционным Судом РФ, вызывают некоторое удивление. Так, в рассматриваемом постановлении отмечено, что «в силу особой природы и предназначения судебной власти как института, служащего гарантией законности и верховенства права и обеспечивающего разрешение возникающих в социуме конфликтов, государство и общество должны обеспечивать такое регулирование и практику его реализации, которые *исключали бы для судьи постоянный риск подвергнуться дисциплинарной ответственности за сам факт принятия решения, не согласующегося с действующим законодательством*» (курсив наш. – А. П.). При этом досрочное прекращение полномочий судьи в связи с *«необходимостью обеспечения стабильности судейского корпуса»* как «наиболее суровая мера дисциплинарной ответственности, влекущая значительные негативные последствия для судьи, который лишается всех гарантий, связанных со статусом судьи, включая полагающееся ему при удалении в отставку ежемесячное пожизненное содержание, может иметь место в тех случаях, когда исчерпаны все иные средства воздействия на судью, направленные на предупреждение дальнейших нарушений с его стороны, либо когда допущенное судьей нарушение подрывает доверие к судебной

¹¹ По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 3, пункта 1 статьи 8 и пункта 1 статьи 12¹ Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и статей 19, 21 и 22 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки А. В. Матюшенко : постановление Конституционного Суда РФ от 20 июля 2011 г. № 190-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 31. Ст. 4809.

власти и не дает оснований рассчитывать на добросовестное и профессиональное выполнение им обязанностей судьи в будущем. Соответственно, такая санкция, как предупреждение, призванная оказывать дисциплинирующее воздействие на судью с целью сохранения баланса между ответственностью судей и их несменяемостью и обеспечения стабильности судейского корпуса, позволяет использовать досрочное прекращение полномочий судьи лишь в качестве исключительной меры воздействия».

Полагаем, что обеспечение «стабильности судейского корпуса» недостаточная причина, чтобы не применять дисциплинарного взыскания в виде прекращения полномочий судьи в случаях, когда он совершает действия, не совместимые со статусом судьи, в том числе и при осуществлении правосудия. Равно как и не может быть такой причиной утеря судьей значительной части социальных, материальных и пенсионных гарантий в случае применения самого строгого дисциплинарного взыскания. Судья, безусловно, должен отдавать отчет, что он потому и пользуется таким большим объемом благ (включая гарантии независимости), что должен представлять собой образец высоконравственного и высококвалифицированного юриста.

Досрочное прекращение полномочий судьи следует применять в тех случаях, когда судья допускает действия, свидетельствующие о его некомпетентности или аморальности. Здесь неважно грубое нарушение допущено судьей или просто нарушение, имел или не имел проступок тяжких последствий. Умышленное нарушение норм права судьей – аморально. Равно аморально и продолжение исполнения обязанностей некомпетентным судьей.

Судья обязан быть компетентным. Кодекс судейской этики требует от него поддерживать свою квалификацию на высоком уровне, расширять профессиональные знания, совершенствовать практический опыт и личные качества, необходимые для надлежащего исполнения своих обязанностей, используя для этого возможности как самостоятельного обучения, так и государственной системы повышения квалификации. Судья должен знать об изменениях в законодательстве Российской Федерации, о нормах международного права, включая международные конвенции и другие документы в области прав человека, систематически изучать правоприменительную практику (ч. 4, 5 ст. 11)¹².

О. А. Галустьян идет еще дальше и считает ошибочными рекомендации, содержащиеся в комментариях, в соответствии с которыми уголовная ответственность за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности, постановление заведомо неправосудного приговора невозможна в случае обусловленности таких деяний допущенными ошибками, неверной оценкой доказательств¹³.

¹² См. об этом: Коврига З. Ф. Нравственно-правовая ответственность судьи за нарушения закона при осуществлении правосудия // Юридические записки. 1994. Вып. 1 : Проблемы судебной реформы. С. 42–50.

¹³ См.: Галустьян О. А. О некоторых мерах обеспечения законности в уголовном судопроизводстве // Вестник Моск. ун-та МВД России. 2012. № 2. С. 66.

Провозглашенное и нормативно закрепленное особое отношение к ответственности судей создает благоприятную почву для вопиющих примеров беззакония, безнравственности и некомпетентности отдельных судей, освещенных в средствах массовой информации. Представители «третьей власти» путают участников уголовного судопроизводства в судебных решениях, фальсифицируют протоколы судебных заседаний и судебные решения и т.д.¹⁴

Почти анекдотичный пример приводит С. И. Захарцев. Судья, вероятно, будучи в неадекватном состоянии, назначил осужденному в качестве наказания два года лишения свободы. Прокурор обратил внимание, что по данной статье минимальной санкцией является наказание в виде трех лет лишения свободы. Судья, отреагировав на замечание, бросился догонять осужденного, которого уже сажали в машину, и громко закричал: «Вам не два года, а три. Три, поняли?», сопровождая свои возгласы жестикуляцией на пальцах¹⁵.

Независимость судей – основа судебной власти, однако эта проблема прежде всего нравственная. Л. Д. Кокорев предупреждал об этом на заре судебной реформы. «Какими бы совершенными ни были правовые и организационные гарантии, они окажутся ничтожными, если нравственные устои судьи позволяют ему принимать решение не на основании закона и своего убеждения, а в угоду тому или иному влиянию»¹⁶. Жизнь продемонстрировала правильность данных слов.

¹⁴ См., например: Судья в бегах // Рос. газ. 2010. 19 янв. ; Федосеев В. Свобода по случайности // Там же. 31 марта ; Рузанова Н. Ирония судьбы // Там же. 7 апр. ; Куликов В. Без последнего слова // Там же. 2011. 15 февр.

¹⁵ Захарцев С. И. Профессиональная деформация правосознания сотрудников полиции, судей и прокуроров // Библиотека криминалиста : науч. журнал. 2013. № 4 (9). С. 341.

¹⁶ См.: Кокорев Л. Д. Суд в механизме государственной власти // Проблемы теории и практики уголовного процесса : история и современность / под ред. В. А. Панюшкина. Воронеж, 2006. С. 307.